

Водитель, вдоволь наглядевшись на бесплатное представление, коротко нажал на клаксон. Пассажиры поспешно расселись по местам и крепко вцепились в поручни — дребезжащий автобус со скрипом тронулся в путь.

Едва устроившись на сиденье, Ван Сюань повернулся к Дафу и Цичжи и спросил, из-за чего разгорелся сыр-бор. Выслушав их сбивчивый рассказ, он помрачнел:

— Одно дело — занять нам места, когда народу мало. Но зачем лезть на рожон с таким отребьем? Сегодня вам повезло. А если бы наткнулись на бешеного с ножом, что бы тогда делали?

— Чего бояться-то? — недовольно буркнул Дафу. — Ли Кай у нас силач, одной левой бы его... Ой-ой-ой! Больно же!

— Слушайте, что вам умные люди говорят, — Ли Кай одарил обоих многозначительным взглядом, незаметно ущипнув Дафу за бок.

Ван Сюань сделал вид, будто не заметил этой безмолвной расправы, и жестко продолжил:

— К тому же, ну не досталось бы мест, постояли бы, не переломились. Вы думаете, раз брат Ли Кай умеет драться, то вам море по колено? Нож и дубина жалости не знают. Нельзя лезть на рожон только потому, что за вашей спиной есть кому кулаками махать. Вы так ему только врагов наживаете и подставляете под удар. — Он перевел дыхание и добавил еще резче: — Да и вообще, это вы кашу заварили. С какой стати разгребать её должен брат Ли Кай?

Дафу и Цичжи смущенно притихли.

— Ну зачем ты так... Не так уж всё и серьезно, — пробормотал Цичжи, отводя глаза.

— Несерьезно? А вы вспомните, что в деревне Сикань стряслось.

Оба парня мгновенно побледнели и прикусили языки.

Ван Сюань замолчал, уставившись в запотевшее окно. Он злился не из-за дурацких мест в автобусе — его до глубины души возмущало их легкомыслие. Они вечно шли на поводу у глупой гордости, совершенно не думая о последствиях. Если они и дальше продолжают в том же духе, брату Ли Каю, как их лучшему другу, всю жизнь придется за ними дерьмо разгребать?

Раньше никто о подобном не задумывался, но не так давно по округе прокатился слух о жуткой массовой драке — вести дошли даже до их глухой деревни Сикань. А началось всё с пустяковой перепалки. Слово за слово, страсти накалились, утихомирить спорщиков не удалось, и в ход пошло оружие. Зачинщик, почуяв неладное, сразу дал дёру, а те, кто полез за него заступаться, остались лежать на земле — кого покалечили, а кого и вовсе забили насмерть.

Классический случай: один кашу заварил, а другие за это жизнью расплатились. И Ван Сюань меньше всего желал такой участи для своего Ли Кая.

Вокруг Ли Кая вечно крутилась куча приятелей. Кто поручится, что среди них не окажется глупых задир? Натворят дел, а как прижмет — побегут к Ли Каю? Одно дело, когда соперник пугается одного его имени и отступает. Но ведь можно нарваться и на тех, с кем шутки плохи. В итоге Ли Кай наживет врагов на ровном месте, ни за что ни про что. Да и каково ему самому? Не заступишься за друга — прослывешь трусом, а вступишь в драку — огребешь по полной. И кто потом будет отвечать за последствия?

Да разве они смогут ответить?

— Вы на меня не обижайтесь, что я вас отчитываю, — вздохнул Ван Сюань, немного смягчая тон. — Скажу прямо: для меня Ли Кай всегда на первом месте, на остальных мне плевать. Но вы — его друзья. Если с вами что-то случится, он не останется в стороне, сразу полезет в драку. Неужели вам не жалко подставлять его? Именно потому, что он считает вас названными братьями, я и говорю это. Понимаете?

Он помолчал немного и продолжил:

— В книжках пишут: сам заварил кашу — сам и расхлебывай. И я ведь не только про сегодняшний случай говорю. В среду, Дафу, ты ведь сцепился с парнем из параллельного класса? Чуть до драки не дошло! И ты еще грозился привести «своих», хвастался, что ты лучший друг Гоуданя и он с ним быстро разберется. А ты знаешь, что у того парня семья не из простых? Он теперь на Гоуданя зубы точит, хотя тот вообще ни сном ни духом!

Ван Сюань давно хотел высказать это Дафу, но тогда момент был неподходящий, да и Гоудань просил не устраивать разборок. Теперь же, когда случай представился, он выложил всё начистоту.

Услышав свое имя, Дафу густо покраснел от стыда, хотя в глубине души всё еще упрямо не соглашался с упреками.

— Сам ведь знаешь, как тяжело нам дается эта учеба, — продолжал Ван Сюань. — Если кто-то из нас не рассчитает силу и покалечит другого, его семья надавит на школу, и нас живо вышвырнут. А то и за решетку упекут! Что мы тогда делать будем? Подумай о своей матери, о бабушке — они же все глаза выплачут!

Упоминание родных возымело действие — оба парня окончательно притихли, осознав правоту Ван Сюаня. Раньше они и пикнуть не смели против городских, но со временем осмелели, прикрываясь авторитетом Гоуданя, который пользовался уважением в школе. Обычная лисья уловка — прикрываться величию тигра.

— Ладно... Наша вина, — буркнул наконец Дафу, уставившись в пол. — Не стоило вообще с

этим отребьем связываться.

— Да, Сюань-эр, не сердись. Мы же не со зла, честное слово, — поспешно добавил Цичжи.

— Да я не прошу вас трусить, — вздохнул Ван Сюань. — Просто сначала головой думайте, а потом уже кулаками машите.

Гоудань, видя, что Ван Сюань всё еще кипятится, примиряюще кашлянул:

— Кхе-кхе... Ну что, уяснили? Я ведь полностью согласен с А-Сюанем. Подумайте сами: если бы меня не оказалось рядом, вы бы с ним точно сцепились. Вас двое, да, но откуда вы знали, что он один? А если бы у него за пазухой был нож или кастет? Этот тип — типичный привокзальный бродяга, из тех, кто шныряет по округе. Встретит вас потом поодиночке в темном переулке — и пиши пропало. Он — дешевая глиняная крынка, ему терять нечего, а у нас впереди учеба, вся жизнь. Зачем фарфору биться о глину?

Хоть у парней и остался горький осадок от нотаций, слова Гоуданя заставили их содрогнуться. До них наконец дошло, насколько опасны привокзальные площади уездного города — рассадники шпаны и грабителей. Они ведь были обычными деревенскими мальчишками, не знавшими законов улиц, и лезть на рожон в таком месте действительно было верхом глупости.

До самого посёлка Сяньгоу в автобусе царило молчание. Когда они наконец вышли наружу, ледяной ветер мигом выветрил из голов остатки хмельной удали.

Поправив тяжелые тюки на плечах, ребята двинулись по заснеженной дороге. Тепло, скопившееся в душном салоне автобуса, испарилось за пару секунд. Стужа пробирала до костей, казалось, даже штаны заledenели изнутри.

Дорога до деревни Сикань, казавшаяся летом легкой прогулкой, теперь превратилась в суровое испытание. Дорогу никто не чистил, под ногами скользил лед, припорошенный рыхлым снегом. Ребята шли, оскальзываясь, проваливаясь по колено в сугробы и тяжело переводя дух. Из их ртов вырывались густые клубы белого пара.

— Ну чего вы носы повесили? Неужто обиделись? — усмехнулся Гоудань, заходя сбоку. — Тоже мне, мужики! А-Сюань дело говорит. Настоящий мужчина должен уметь признавать свои ошибки, а не дуться как мышь на крупу!

С этими словами он с разбегу толкнул обоих прямо в сугроб.

Парни на секунду опешили, но тут же с победными воплями кинулись в погоню. Навалившись вдвоем, они повалили Гоуданя в снег. Началась веселая возня: троица каталась по сугробам, борясь и щедро осыпая друг друга колючей белой крошкой.

Ван Сюань лишь улыбнулся. Он спокойно подобрал брошенные тюки и пошел вперед, предоставив им возможность выпустить пар.

Шумная потасовка разогнала кровь по жилам. Холод отступил, уступив место жару, хотя дышать стало еще тяжелее. Когда силы наконец иссякли, ребята просто развалились на снегу, шумно лоя ртом воздух. От недавней обиды не осталось и следа.

Молодая кровь бурлила, требуя выхода, а зимняя скука и холод только зажимали эту силу внутри. В морозные дни все невольно съеживались, мало двигались, отчего неизрасходованная юношеская энергия копилась и со временем превращалась в глухую раздражительность. Ван Сюань замечал, как у многих одноклассников лица покрывались упрямой юношеской угревой сыпью, ломались голоса. Не находя выхода, этот внутренний жар искал любой повод для взрыва — порой хватало одного косого взгляда или случайного слова, чтобы вспыхнула жестокая драка.

Сам он и его Гоудань отличались редким самообладанием, да к тому же были младше половины своих одноклассников. Ван Сюань прекрасно понимал: не будь рядом Гоуданя, Дафу и Цичжи после его резких слов вполне могли бы полезть в драку от уязвленного самолюбия. Но поднять руку на того, кого оберегал сам Ли Кай, они бы ни за что не осмелились.

И действительно, стоило им выпустить пар в снегу, как обиды растаяли, и по дороге снова потекли шутки и веселый смех.

У самой деревни, когда пришло время расходиться, Дафу окликнул Ван Сюаня:

— Слышь, А-Сюань! Если честно, я в автобусе тебя так отлупить хотел! Разбубнился тут, как старый дед, поучать нас вздумал... Если бы не Гоудань, точно бы схлопотал! Ладно, шучу. Бить мы тебя не будем — всё равно против Ли Кая у нас кишка тонка. Да и девчонки из вашего класса нас потом живьем закопают. Ну вас нафиг, связываться еще... Ха-ха-ха!

С веселым гоготом парни припустили по своим улицам.

Гоудань шутливо показал Ван Сюаню большой палец, но тот лишь демонстративно отвернулся, пряча улыбку.

Гоудань со смехом зашагал следом. Он ведь не был дураком и прекрасно понимал, что Ван Сюань так раскипятился исключительно ради его безопасности. Но порой, когда беда дышит в затылок, отсиживаться глупо. Тот наглец в автобусе явно прощупывал почву, надеясь подмять под себя простых деревенских парней. Гоудань лишь сработал на опережение — припугнул ублюдка так, что тот сам выскочил на мороз.

Ван Сюань, затеявая этот разговор, шел на сознательный риск прослыть среди ребят занудой и сухарем. Но Гоудань знал цену этому занудству: А-Сюань пекся только о нем одном.

В каком-то смысле они идеально подходили друг другу. Оба обладали скрытной, прохладной натурой — если чужак начнет подышать прямо у них на глазах, ни один и бровью не поведет. Разница заключалась лишь в том, что Ли Кай умел маскировать это равнодушие за маской компанейского парня, а Ван Сюань даже не пытался. Он всегда держался особняком, безучастно наблюдая за миром вокруг, и раскрывал рот только тогда, когда дело касалось их двоих.

За все годы, что они знали друг друга, Ван Сюань ни разу не влез в чужие дела и не высказал никому в лицо обидных слов. Разумеется, шутливые сплетни наедине с Гоуданем не шли в счет.

Дома их встретила глухая, промозглая стужа. Ли Сы, завидев вернувшегося сына, поспешно бросился в дровяник за охапкой хвороста, чтобы растопить кан.

Гоудань нахмурился, оглядывая холодную комнату:

— Отец, ты что, совсем печь не топишь, пока меня нет? На улице же мороз трескучий!

— Да нормально... Когда еду готовлю, от печи тепло идет, хватает, — Ли Сы виновато улыбнулся, плотнее запахивая старую куцую душегрейку, из которой клочьями лез свалявшийся серый хлопок.

Опять экономит дрова. Гоудань точно помнил, что перед отъездом они с Ван Сюанем заготовили приличную поленницу. Да и лес тут совсем рядом, хвороста пруд пруди — не безводная степь ведь. Стоит потратить полдня, подняться чуть выше на склон — и можно набрать сухостоя на неделю вперед.

— Дрова беречь надо, только на ночь кан протапливаю. Нынешняя зима лютая выдалась, кто знает, сколько еще холода простоят, — тихо вздохнул отец.

В деревне каждый знал цену теплу. Таскать тяжелые вязанки на своем горбу по обледенелым тропам — труд не из легких, вот старики и жались, дрожа от холода ради лишнего полена.

Леса вокруг деревни постепенно редели. Чтобы набрать хорошего хвороста или раздобыть прочную древесину для рукоятей инструментов, приходилось уходить всё дальше в глухую чащобу.

Гоудань только мысленно вздохнул, понимая, что переучивать отца бесполезно — тот всю жизнь прожил в вечной нужде и привык дрожать над каждой крошкой.

— Ладно, отец, иди-ка сюда. Примерь, что тебе А-Сюань сшил.

— Чего?.. — Ли Сы растерянно моргнул, не веря своим ушам.

Гоудань достал из тюка и расправил слегка помятую теплую куртку на плотном ватине:

— Все честно, не сомневайся. Помнишь благодетеля, про которого я рассказывал? А-Сюань приготовил для него целебную мазь, она очень помогла, вот тот в благодарность и прислал нам целый мешок отборного хлопка.

Ложь лилась из уст Гоуданя легко и гладко, он даже глазом не моргнул.

— Да как же так... Этот человек и без того нам столько добра сделал! За какую-то баночку мази брать такие дорогие вещи... Нехорошо это, сынок, — старик нахмурился, упрямо поджав губы. У деревенских бедняков была своя гордость.

— Да он сам настоял, посылкой прислал! Не отправлять же обратно, — мягко возразил Гоудань. — Я всё до единого фэня записываю, со временем сочтемся и всё вернем. К тому же в уезде мы тоже сложа руки не сидели, подрабатывали у хороших людей. Так что всё заработано честным трудом.

Он заговорщицки понизил голос:

— Только ты в деревне об этом ни одной живой душе не обмолвись, ладно? А то прознают бездельники, живо прибыльное дело перехватят. Мы ведь рассчитываем на эту работу, надо же долги раздавать.

Заметив, что отец всё еще хмурится и сомневается, Гоудань с упреком добавил:

— Ну когда я тебе врал, отец?

«Да ты только и делаешь, что сочиняешь на ходу», — мысленно усмехнулся Ван Сюань. На душе у него было немного щемяще и тепло от этой невинной лжи во благо. Он забрал куртку из рук Гоуданя и бережно набросил её на сгорбленные плечи старика:

— Дядя Сы, примерьте. Я ведь впервые сам зимнюю одежду кроил, вдруг где не так село? Если что — сразу перешью. Вы уж простите, ваты внутри маловато, на большее не хватило, но греть всё равно должна хорошо.

— Ну что вы, ребята... Зачем мне? Сами носите! — замахал руками старик, пытаясь сбросить обновку. — У меня есть в чем ходить, а вы в городе учитесь, среди людей бываете. Вам приличная одежда нужнее, чтобы не стыдно было перед городскими. А я что? Простой крестьянин, мне и в лохмотьях сойдет.